

Шкурат Надежда Ивановна

Запис інтерв'ю: м. Шостка, 19 вересня 2010 року

Інтерв'юер: Наталія Кондратцева

Оператор: Микола Парамонов

Присутні: Ірина Володимирівна Куц

Транскрипт: Ярина Сочка

— Родилась я в селі **Прокоповка** 10 октября 1922¹ года. [Новгород-Сів.район Черніг.об.]

— *А что у Вас за семья была, сколько людей было?*

— Семья была у меня: уже было у меня два брата, и мы родились, двойняшки, я и брат мой **Серезжа**. Погиб во время войны в Германии.

— *Воевал?*

— Нет. Забрали вот так как меня, и там погиб.

— *А забирали вместе Вас с братом?*

— Да.

¹ За документами 1923 р.

- *В один день?*
- Да.
- **00:37.** *Вы помните день, когда Вас забрали?*
- Нет.
- *А год?*
- А год 1946 по-моему...
- *1942?*
- Да, 1942 год. *(смутилась, что перепутала года)*
- *Немцы стояли в селе?*
- У нас вот здесь?
- Да.
- **00:56.** Меня уже отсюда забирали. В 1935 году мы сюда приехали, построили дом. Отец был мастерской, построил дом, сам. И мы с 35 года здесь жили. Были немцы здесь. Были. Фабрика у нас он... Там торговали и спиртом, и ...наркотики, что делают?...
- *Эфиром?*
- Эфиром.
- *А семья у вас крестьянская? Рабочая?*
- Семья крестьянская рабочая.
- *А потом переехали сюда и здесь работали?*
- И здесь тоже, на работу пошли кто где кем..
- *А чем зарабатывала на жизнь ваша семья?*
- **01:42.** А по заводам. Мама на заводе 9, а папа в заводе 53, тогда считался.
- *И четверо детей у вас было в семье?*
- **01:50.** И четверо детей нас было: три брата и я. Но, в 1940 году самый старший брат умер.
- *Как вы жили до войны?*
- **02:05.** А мы жили, я б сказала, очень-очень хорошо, спокойно. Мы не богатые люди, но мы жили спокойно. Семья у нас такая спокойная была. У меня братья были такие.. не разбойничали.. И у нас никогда, сколько я прожила в своей семье, никогда не было ссоры в доме. Никогда ни криков, ни ссоры. У нас всегда было тихо-тихо. У нас всегда говорили друг другу «Спокойной ночи», «Доброе утро», «Спасибо за обед», «Спасибо за ужин», и все такое... Мы были не капризные такие, что б не нравилось кому-то еда, что б одному варили то, другому – то. Вся семья садится, и вся семья кушает то, что сварено, и никогда не было неприятностей, ни за обедом, ни за чем. Мы все были... Я и по сей день такая.
- *Вы помните как пришли немцы в Шостку?*

- **03:15.** Ах.. Как пришли я не помню.. Я ж их лично не встречала, не видела. Война есть война. Крики, шумы.
- *Жизнь изменилась, когда пришли немцы?*
- **03:34.** Это ж был 41 год, мне 19 лет. Какая там для меня жизнь менялась.. Как была я в доме своем, так и осталась. Батя, потом, где-то через год забрали в армию, на фронт забрали. Брат мой Яков, его уже конечно нет, служил уже, был на войне. Была война тогда где, в Финляндии?
- *Да.*
- Вот, он был там танкистом.
- **04:09.** Яков, старший ваш брат, был танкистом на финской войне?
- Да. И еще на другой войне какой-то был.
- *В Маньчжурии?*
- Не помню. Где-то еще..
- *На Великой Отечественной?*
- **04:19.** Он еще на двух войнах был, кроме этой. На этой уже войне его поранило, выбило ему челюсть, пальцы на правой руке оторвало. Он в госпитале долго лежал. Но, пришел домой.
- *А пришел он когда? Уже после освобождения?*
- **04:42.** Да, после освобождения. Когда закончилась война, в 1945 или в 1946 году, я не помню точно. Тогда в голову такого не бралось.. Добре, что война закончилась.. Слава Богу.
- *Как Вас забирали? Не помните, кто за Вами приходил? Вы помните этих людей.*
- **05:00.** А так. Нет. Команда была. Командовали нами... вот так как сейчас..сегодня дадут, завтра отнимут. Так и тут, командовали.
- *Повестка пришла вам?*
- **05:23.** Всем пришли повестки. И предупреждение: не вздумайте прятаться, а то будет плохо. Откупались некоторые. Не знаю, куда они ходили..
- *К старостам, полицаям, наверно?*
- Наверно. А нам откупаться было нечем. Чем откупаться? Началась война. Денег не было, чтобы откупаться. Пошли по повестке.
- *Вы помните, как Вас везли в Германию?*
- **06:05.** Ну, нас родители провели до поезда. В поезд посажали, и поехали. И будьте здоровы.
- *Вы ехали вместе с братом? Или отдельно.*
- А я, вы знаете.. Нас вместе собрали, но то ж парни, а это ж девчата. Девчата в свой вагон, а парни в свой вагон. Сели и поехали. И там уже я не видела его.
- *Вы знали, куда вас везут?*

— **06:31.** Нет. А кто знал?

— *И вам не говорили, куда вас везут?*

— Нет. На работу. В Германию на работу.

— А говорили Вам, какая это будет работа?

— **06:43.** Нет-нет.

— *Что было, когда вы туда прибыли? Долго ехали? Сколько, не помните?*

— **06:52.** А что было, вот это запомнила. Нам же делали дезинфекцию. И у всех людей, кто со мной был, 20 человек кажется, все вещи сгорели. И мы остались голые, как мать родила. И солдаты нам принесли одежду. Они там насобирали у немцев: юбки, кофты, платья, и одеяла принесли. А мы остались голюсенькие. Говорили, что у кого-то была там брошка или приколка, они перегрелись и все загорелось. Или специально спалили.. Не знаю. У нас погорело все. Как мы были в бане, такими и вышли оттуда.

— *Что было дальше?*

— **07:46.** А что дальше?! Приодели.. А дальше, как всегда, по баракам, места указали, 2-этажные койки деревянные. И на работу.

На работу с полицаем, с работы с полицаем. Когда тревога, нас зачем-то выгоняли с барак. Хай бы лежали люди. Нее, выгоняли. А один единственный раз я осталась была в бараке. Я была худенькая такая, было 54 кг весу. Меня уже там называли не Надя, а Гаврила.. Худющая такая, одни кости. И поэтому меня до бауера посылали на месяц, чтоб я там поправилась немножко. Пожалели..

Покупали иногда кое-что. Там были такие мастера, что предлагали купить то хлеба, то сыру.

— *А кто такие эти мастера?*

Про поліцаїв 08:58. Немцы. А наши, украинцы, были полицаями. Так они даже выбрасывали, если картошечку кто-то купит.. Наши.

— *Вы их знаете кого-нибудь? Помните по именам?*

— **09:21.** Один был из Каменец-Подольского, не знаю, что с ним дальше.. А был один из Сум. Знаю, что звали Николай. Фамилию знала, но забыла уже.. Пора забывать все уже.. Так он даже бил нас плетками. Наказание там такое было. Не попускал никогда, скажет ему полицай отпустить 10 плеток, так он и отпустит. Еще и скажет, что б разделись, что б по голому телу. А тот из Каменец-Подольского который, тот говорил: «Я буду по скамейке лупить, а ты кричи «Ой-ой-ой!»». И так он не бил никого. А из Сум который, бил, и выскакивал из этой комнаты, где наказания проводил весь в поту, и говорил: «Вот дал, так дал!». Ну, когда нас освободили, так этого Колю хлопцы разорвали, пополам. Один за одну ногу, другой за другую и тянут, он кричит, а говорят: «Чувствуешь?! А тогда ты не чувствовал?!». И вообще разорвали.

Вот такое. Вот такое помню, а мелочей не помню.

— *Как работали, помните? Рабочий день?*

10:47. Работали посменно, в три смены: 1-я, 2-я, 3-я смены. Там был такой мастер, Бим фамилия, он такой страшный на вид: глаза маленькие, зубы широкие, рот такой широкий..

Ну, похож на Бима настоящего.. И он бил людей. Две смены жаловались нам, и спрашивали: вас Бим бьет? А мы говорим - нет.

Была у меня из Каменец-Подольского подруга, тоже Надя. Она меня так опекала, и говорила: ляг, Надя, поспи.. А я, - нет. Боже спаси, чтоб я на ночной смене легла спать?! И приедет этот Бим и будет меня стегать?! Нет, ни в коем случае.

11:33. Нам не надо было этого делать, но мы подметем, мешочки поскладываем стопочками, все поделаем, а сами сидим как святые. Он приедет на велосипеде, мы даже слышим, как шуршит велосипед. Приедет, откроет двери: «Ну, что панянки, гут?». «Гут». Спросит на немецком, сколько сделали, я отвечала, немножко знала, я же в школе учила немецкий язык. Чуть-чуть знала, и если что-то надо, я отвечала. Ну, и все: «Гут панянки, отдыхай». А тех бил. Он приедет, а они спят. У них там все разбросано, продукция рассыпана, валяется, и они ж воздух попортят, спят же ... Так он открывает двери и сразу: «Швайне райне, гунд», и плеткою. Так никто не верил, что нас он не бьет. Говорили, что мы не хотим признаваться. А мы просто не заслуживали, потому что мы боялись, что б нас не били.

— *А что именно Вы делали?*

— **12:43.** Порох делали. Делали порох 4-х сортов: каточками и в середине дырочки, пластиночки 1 см х 1 см, и длинные «макаронны» делали на станку, их резали. Я еще на станку работала.

— *Надежда Ивановна, Ваш барак был изолированный от других барачков?*

13:22. Нет. Могли ходить друг до друга, но я никогда никуда не ходила. Я была уединенная. Все разойдутся, а я себе лежу. Я не любила мотаться, бегать как другие.. И молодая я была, и все, но я была очень спокойная всегда. Я лежала, отдыхала..

— *А не ходили друг к другу в гости, общались между собой?*

— Общались, а как же. На работе общались.

— *А как вот у Вас был день рабочий? Вот с утра до вечера?..*

— **13:57.** Нет, 8 часов. Три смены ж.

— *Ну, опишите какой-то день, любой день. Вот Вы утром поднимаетесь, что Вы кушаете, во что одеваетесь?*

14:11. Одежда у нас была всегда одна и та же. Носишь, пока не износишь. А еда тоже одна и та же: брюква. Знаете брюкву? Так вот, брюква натерта на терку, сваренная. Нет там ничего, ни соли, ни жиру. И такая вот (*показывает*) сантиметра 3-4 скибочка хлеба. А по воскресеньям нам давали «диетический обед» - неочищенный картофель, и все. Если попадетса не червивая, то хорошо. А если плохая картошина, почистишь, и есть нечего.

— *Вот по воскресеньям нам давали такую картошку. А так - черпак хороший такой в мисочку брюквы и скибочку хлеба раз в сутки.*

— *Кормили раз в день?*

— *Раз! Раз. То прикупим там что-то.. Там мастера были такие, что то хлеба принесут, заказывайте. Но, с этим надо было прятаться. А я этого очень боялась. У нас в семье никто никогда ни на кого не кричал. Я была боязливая и тихая, как мышь.*

- *Значит, Вас один раз кормили. А кто готовил еду?*
- **15:53.** Готовили и наши... Кто готовил, не знаю, а раздавали наши. Там еще была ивотская одна. Придет мужчина к окну: «Нет там добавки, хотя бы немного?». «Я сказала - нет, а если не понимаешь, так по-немецки скажу!». Такая ивотская была быстрая.
- *Ивотская?*
- **16:22.** С Ивота она. Да ее уже нет.
- *С Ивота была?*
- Ивот, село Ивот. Раздавала обед.
- *А кто? Фамилию помните?*
- **16:33.** Я уже забыла ее фамилию.
- *Но она с Ивота тоже была? А звать как, помните?*
- **16:45.** Нет. Уже стерлось все. Я его в голову не беру... Слава Богу...
- *Сильно страдали от голода?*
- **16:51.** Как страдали. Есть хотели. А есть нечего. Но, когда купишь буханочку хлеба, так может, добавишь тогда что-то. А так уже втянулись, что раз поел и сиди. Больше не жди.
- *А что вы говорили «Купить буханочку»? Вам деньги какие-то платили?*
- 17:08.** Нам платили по пять марок с копеечками в неделю. И каждую неделю давали эти марочки.
- *На эти деньги можно было что-то купить?*
- **17:20.** (смеется) Покупали. И серьги покупали... простые, конечно. И прокалывали уши. Девки же, надо ж уши проколоть и носить серьги. Ну, может какую приколочку еще.. Я особенно ничего не покупала. Только сережки купила, взяла, в ушах же были дырки.
- *Были случаи смерти? Умирили люди?*
- 17:46.** Умирили. Очень мало, но умирили. У нас умерла одна. Она болела сахарным диабетом. Такая полная была всегда. Все-таки, время ее пришло, и она умерла там.
- *Умерла там, в бараке, в смысле, где Вы жили?*
- **18:07.** Я не помню. Или ее в больницу забрали. Я даже не знаю, как ее хоронили и где хоронили...
- *Не знаете, где хоронили?*
- **18:12.** Не знаю, потому-что нам же не показывали, что это похороны. Кому это надо? Завернули и отвезли.
- *На работе вас контролировали? Все время кто-то с вами находился, смотрел, как вы работаете?*

— **18:29.** Были. Вот это ж тот Бим ездил. И мастер был такой маленького роста. Балакучий, хороший хлопец. Бывало идет, да говорит: «Я буду идти и кричать: «Давай, панянку, работай. Давай, давай, давай!! И тихо говорит: А ты гуляй, и не слушай, потому что я специально так кричу. Отдыхай. Гуляй.».

— *Это немец был?*

— **19:02.** Немец. Когда разбомбили большой мост, его тогда отсюда сняли и послали на мост бригадиром или начальником.

— *С Вами работали только украинки? Или из каких-то других стран тоже были?*

— **19:22.** Нет, наши. Украинцы.

— *Никаких людей из других стран встретить не приходилось?*

— **19:29.** Бельгиец был. Бельгиец у этого хозяина был. Он у этого хозяина спаржу сеял. Это в земле она растет такая красная шишка. И такими длинными ножами, тупыми по бокам, а на конце вилочкой, посылаешь сколько надо в землю, и подрезаешь. Спаржа как палец толщиной. Это очень у них дорогое блюдо.

- *Так Вы ходили за этой спаржей?*

— **20:01.** Ходили. Я ж у хозяйки была 20 дней, это месяц. Там 20 человек нас было. Оно высоко так сделано. Мы ходили между рядами этими, и подрезали... А они нам рассказывали, что аж за двести километров приезжают к ним покупать эту спаржу.

— *А Вы все время работали на заводе, кроме этих двадцати дней. Не водили к бауерам?*

— **20:30.** Нет.

— *Никакого местного населения Штаерберга-Либенау. Никого из них не знали и не видели?*

— **20:39.** Была у нас только... Фрау... Не знаю как ее... Полная такая. Заведующая лагерем тем, но мы ее мало видели.

Черники у них не знали, не знали, что за ягода черника. У них ее было столько, что ноги не просунешь. Она уже розрослася так! А когда наши пошли ее рвать и кушать, они уже поняли, и тогда посылали всех нас собирать. И мы ведрами носили. Там они и варенье варили и сушили, и что еще делали - мы не знали. Очень много заготавливали. А немцы не знали раньше. Они думали, что это дикие ягоды.

— *Это в селе такая ягода росла?*

— Это черника.

— *Черника была в селе или на территории лагеря?*

— Нет, возле лагеря недалеко.

— *В село никогда не выходили?*

21:39. Весь лагерь стоял в лесу. И здания рабочие в лесу. Вот так выйдешь, а все здания врезаны в землю. Крыши на уровне с землей. И на крышах даже деревья растут. А если

выйти на поверхность, где бараки, то там завода и не видно. Даже не скажешь, что это завод. Там лес, сплошной лес.

— *И сейчас там так. Даже никто не знает сейчас, что там был завод такой большой.*

— **22:10.** Да, сейчас так? И машины там ездят по низу. А наверху - ни машин нет, ничего. Замаскированный такой завод. Наверное, только они сообразили так. Наверно, они это годами растили и строили. Даже стены выложены, не так, что земля сыпется. Зацементированы стены и .. И пол зацементирован. Ой, там работы очень много было сделано. Для чего ж они готовили эти бараки? Но там жили раньше... И такие домики стояли. Жили фольк эти немцы, как там они называются. Подданные немцам, бельгийцы, англичане. А чего они там жили, не знаю. Может, их наказывали и посылали. Не знаю. Нам же там никто ничего не расскажет, что это такое.

— *Ничего не знали о заводе или какие-то легенды слухи ходили?*

— **23:28.** Сам если что сообразишь, подумаешь. А вообще нечего было соображать. На работу – в строю. С работы – в строю. Что там соображать.

— *То есть, Вы ничего не знали, что это за завод.*

— **23:43.** Мы знали, что это пороховой завод. Делают порох. А что мы сделаем.

— *И не знали...*

— **23:49.** И что вы делали? Я так и сейчас отвечаю: готовили порох. А кому? Чи нам, чи на нас. А приехали домой, нас не брали на завод. Нас силою туда погнали. Нас продали, конечно. Кто ж Сталин продал, да и все остальные. А приехали домой, то нас обеими руками вон из завода. Сюда нет. На фабрику – нет. И туда нет. Идите, ищите, где хотите.

24:26. Я пошла сначала в медпункт, молоко принимала. Давали ту трудовую чи не. А потом пошла уже на завод. Но на завод не приняли, а так на лесозавод, и на пилораму. Помогать там на пилораме, колоды тягать, качать. И поработала я, не помню, и года не поработала, и вдруг сокращение на заводе. Все остались старые рабочие, из сел пооставались, мужчины пожилые. А меня рассчитали, потому что я... не такая как надо. Я ж уже провинившаяся, я ж была в Германии. Меня первую и рассчитали. Ну что, а куда пойдешь жаловаться? Никуда. Но вскоре я поступила в поликлинику и отработала там 25 лет. Перенесли мы много горя, но еще годы были такие, что не надо было расстраиваться. Другие выступали, кричали. Я нигде не выступала, я нигде не кричала. Я была очень спокойным и мирным человеком. Очень мирным. Но, только один раз мне пришлось в поликлинике выступить уже перед самым моим уходом из поликлиники на завод. А получилось так: Я из двойнят. И у меня не хватило мне левой руки. Мышцы на руке очень слабые. Но, я и вяжу, и шью, и стираю, слава богу. Кроме меня, таких еще четыре человека, как я... То давление высокое, то зрение негодное никуда, то старше за меня на пять лет. И нас послали в село грузить картошку на грузовую машину. Для стационара грузить картошку. Меня спрашивают: «Надежда Ивановна, вы едете на картошку?» - «Нет, нет и нет!!». И никто из не поехал. Я не помню, говорила я остальным, чтоб не ехали. Или сами так сообразили. Ну а что, калек насобирали! У той давление 240, у той глаза в очках, так что она наклонилась – очки падают. Она была у нас статистиком, так писала в очках за десять сантиметров от стола. Ну, и так далее. Все такие подобные, не стопроцентного здоровья люди. Ну и мы не поехали. Нас пять человек сорвали

эту поездку. Тут же сейчас – собрание. Я первый зачинщик, первый виновник. Я просто говорила: «Вы как хотите, а я не еду». Ну и это один раз пришлось в жизни выступить. Вы знаете, я как выступила... Я, во-первых, не повышала голоса ни грамма... Не придумывала ничего лишнего, а только спрашивала у них ответа: «Вот слушайте, врачи! Если человек приходит с завода с таким давлением, как вы могли послать на картошку? Вы сразу даете справку об освобождении от колхозных работ, если у кого-то там что-то с чем-то: радикулит, с ногой, с рукой... А почему вы всех нас собрали именно таких, что не способны там грузить?»

— *Рука почему у Вас болела? Это после войны рука болела уже?*

— **29:14.** Рука у меня не болела и не болит! Родилась я так. Нестопроцентная рука. Я из двойнят, то наверно не хватило материала для двух детей. Ну, и вот так рассказываю, рассказываю. А потом говорит еще врач, Авосько, был такой: «Так она на субботнике вчера не была». Я говорю: «Как я не была?! А я Вам сейчас расскажу, кто был на субботнике. Сколько человек? И что вы делали...».

— *Надежда Ивановна, извините. Давайте закончим про завод. Про пороховой.*

— *Давайте, давайте.*

— *Вы помните какие-то яркие эпизоды, когда вы там были на пороховом заводе?*

— *Когда вы были в Германии, что-то происходило? Какие-то случаи. Что-то случилось?*

— **30:05.** Никаких эпизодов, никаких происшествий. Ну, были взрывы.

— *Срывали работы, саботаж, да?*

— **30:15.** Нет-нет-нет. Взрывалась эта пленка, порох взрывался. Заложат его, он же вот такой длины, такая качалка. Закладывали, а оно взрывалось. Загоралось. Но, у них было сделано так: сейчас же встаешь, рычаг нажал, и залило все водой. У них там все сделано было очень умно. Они умные. Не такие как у нас россияне.

— *Вы какие-нибудь известия из дома получали за это время?*

30:43. Никаких.

— *Вы ничего не знали о семье?*

— *Никто ничего.*

— *А вот брат Ваш, который близнец. Вы о нем что-нибудь знали?*

— *Его как забрали, я больше и не видела.*

— *И все, больше Вы не его не видели?*

— **30:54.** Нет. А потом нам сказали, что он, мамин двоюродный брат и еще один сосед пошли убежать из лагеря. А их взяли поубивали.

— *А конец войны...? И о фронте ничего не знали? Что происходит на войне? Какое наступление там?*

— **31:14.** Нет, никто ничего не знал. Никаких известий. Кто наступает, кто отступает. Ничего не известно было.

— *Вас держали полностью в неведении? Ничего не рассказывали?*

— А мы в лагере все... Лагерь же. Из лагеря никуда не выйдешь.

— *А вот перед концом войны, когда уже Вас должны были освободить. Вы почувствовали какое-то изменение в поведении немцев?*

— **31:36.** Ничего. Ничего.

— *А время освобождения помните? Момент освобождения....*

31:47. Особенного торжества не было. Что б «Ой!» кричали там что-то. Все тихо было. Война кончилась. Все... А иностранцы, наверное, ушли сразу. Бельгийцы и англичане там были. Они, наверное, по домам скоренько разбегались. Поразбегались... А мы уже остались. И даже нас тогда уже из бараков почему-то переселили в домики, где были эти «фолькдойче», назывались. Так нас туда поселили. Мы еще там пожили. Это помню немного. По 4 человека в комнате жили. Давали нам уже, выписывали, продукцию. Мы ходили получали продукты, варили. Там и плиты были, и все. Все как надо там сделано. Не то что в бараках, там железные печи стояли....

— *Это, получается, вы жили там, где перед этим немцы жили, да? Работники лагеря? После войны вас переселили.*

— **32:52.** И, наверное, наемные там жили.. Ну построены настоящие домики. На 4 человека. Ну наверно ж, они не семьями жили, а видно... не знаю. Может наемные. Они ж нанимают всех. Им же строиться надо. А Германия, она ж небольшая. Ну а стройка у них большущая. Они, конечно, много чего поделали. Так никто не сделал наверное - завод в земле.

— *Это уникальный завод.*

— **33:27.** Уникальный, да. Такой завод. Чистота, подметено всюду. Ну наши подметали. Да и видно убирали. Электрокары ездят, мотаются туда- сюда. Короче, достойная вся эта постройка. И там все хорошо.

— *Когда Вы приехали сюда, Вы говорите, Вас не брали на работу. Да? Потому что Вы были в лагере. А Вы рассказывали после войны, как Вы там жили?*

33:56. Никто у нас не спрашивал... А кому мы были нужны? Мы приехали как враги! Мы приехали как враги народа! *(Повышает голос, нервно).* Враги Украины или России? России. Мы как враги приехали. Кто у нас что будет спрашивать? На нас косо смотрели. Я ж Вам рассказывала: «Нет, работы нет! Идите на фабрику!» Я говорю: «Ну как это так! Пришла, здесь живу рядом с заводом». - Нельзя. Ну и что, нет работы и все.

— *И Вы так и не рассказывали никому. Прошли годы, и никто не интересовался?*

— **34:39.** А кому расскажешь? А что скажешь? А скажешь, то еще до того договоришься, что пойдешь туда... на север. Лучше молчи. Молчи глуха – меньше греха. О чем говорить, если нас продано. И кто продал? Свои же. Свои же продали в Германию. А там нужна сила рабочая. Нате вам, и кормите брюквою. Кому мы были нужны. Люди - это вообще. Люди... если держит скот, корову чи коня, то старается холить и жалеет, и кормит, чтоб работал. А нам брюквы черпак в сутки и... Кому мы нужны были? И сейчас мы никому не нужны. Вот пришел новый президент. Кому мы нужны?!

— Скажите, как Вы сейчас к немцам относитесь? У Вас осталась какая-то обида на немцев?

35:36. На немцев? Ни грамма! Никакой обиды. Они даже были такие, что... набивались: может, вам купить покушать что-нибудь. Обижать, они нас не обижали. Мастер идет и кричит: «Панялко, давай работай!». А сам приходит и на ухо шепчет: «Сиди. Не работай. Отдыхай». Немцы лучше за наших были в 100 раз. А наши нас продали за ничто, нет, за свой большой капитал только для себя, а для нас ничего.

— И Вы, даже после того, как прошло много лет после войны, никому ничего не рассказывали.

— **36:23.** Никому! Абсолютно! И не хочу рассказывать.

— И дети Ваши не спрашивали?

— У меня один был сын.

— Так Вы и сыну не рассказывали?

— **36:34.** Никогда. Никогда не рассказывала. Даже на уме не было, чтоб рассказать, что вот я вот там помучилась...

— А почему?

— **36:44.** О хорошем надо говорить. О плохом даже вспоминать не хочется.

— Так все же забудут. Все забудут об этом, и будут думать, что все так замечательно.

36:54. Этого никто не забудет. И я не забываю. А тому, кто там не был, до него никогда не дойдет, как это так могло быть! Как это так, что вас туда погнали и вас там не кормили.. Ну как это так!

— Вот поэтому мы пытаемся рассказать.

— Я сама удивляюсь: Как это так?! Потому что наглые у нас люди. Наглые вот эти правители. Все они наглые!

— Хорошо, спасибо большое.

— **37:24.** Пожалуйста. Не за что.

— Что говорить?

— Имя назовите свое.

— Только имя и все?

37:35. Шкурат Надежда Ивановна. Если надо громко, я могу сказать громче.

— Спасибо.

— Пожалуйста.